

ОРАТОРИЯ

„Иван Грозный“

С большим интересом ожидали ленинградские слушатели первого исполнения в нашем городе оратории «Иван Грозный» С. Прокофьева. Многим была памятна музыка композитора к двум сериям одноименного фильма С. Эйзенштейна. В ней воплотились лучшие стороны таланта Прокофьева — дар острой характеристики и меткой наблюдательности, скульптурная рельефность музыкальных образов, сочный, яркий национальный колорит и, наконец, прекрасное ощущение природы кинематографа. Эти качества сделали музыку Прокофьева к картине подлинным шедевром.

Достаточно ли было в ней «данных» для перевоплощения в самостоятельное художественное целое? Могло ли новое произведение выдержать сопоставление с таким великолепным образцом ораториального жанра Прокофьева, как «Александр Невский»? Тем более, что композиция оратории создавалась после смерти композитора. Вот те вопросы и сомнения, которые невольно возникали перед премьерой.

Исполнение оратории показало, что советское искусство обогатилось эпическим, многокрасочным музыкальным полотном. В этом огромная заслуга принадлежит дирижеру А. Стаевичу — автору композиции оратории. С подлинно творческим энтузиазмом подошел он к решению труднейшей задачи — созданию из порой разрозненных фрагментов единого драматургического целого.

Объединяющим началом в оратории стала партия чтеца. Напомним, что сам Прокофьев, стремясь сделать более доступным содержание своей музыки, использовал этот прием в оратории «На страже мира». Особенно уместным оказалось введение речевой декламации в «Иване Грозном», так как без нее остался бы непонятным смысл появления ряда музыкальных эпизодов. Партия чтеца играет столь большую роль, что произведение в целом воспринимается как музыкально-драматическая композиция. Текст, принадлежащий перу С. Эйзенштейна, обладает высокими литературными качествами.

Музыкальная композиция «Иван Грозный» создана спустя 16 лет после постановки фильма. В нее включена вся музыка, написанная композитором, в том числе и фрагменты,

не вошедшие в окончательный вариант картины. Несмотря на обилие разнохарактерных эпизодов, произведение проникнуто внутренним единством стиля. Суровая и одновременно светлая тема увертюры олицетворяет облик молодого царя Ивана. Трагические черты в него вносит музыка мужского хора «Туча черная поднимается...», повествующего об измене и интригах бояр. С ней перекликается мрачно-величавый и мужественный хор «На костях врагов, на пожарище воедино Русь собирается». Раскрывая основную идею произведения, он звучит дважды. Удивительно поэтичны две свадебно-величальные песни, проникнутые светлым лиризмом. Вершин драматической выразительности достигает композитор в сцене, рисующей предсмертные муки Ивана. Скорбная мелодия струнных кажется воплощением взволнованной человеческой речи, в ней слышатся сдавленные рыдания, горькие упрёки. К наиболее впечатляющим страницам партитуры принадлежит также «Песня про бобра». Стихия бесшабашной русской вольницы, буйного удалства, молодчества воплотилась в картинах опричнины. Замечательны по музыке сурово непреклонная «Клятва опричников», разгульная песня с хором Федора Басманова и огненно-вихревые пляски опричников.

По яркости и силе воздействия большая часть музыки «Ивана Грозного» не уступает лучшим страницам сценических и вокально-симфонических сочинений композитора.

С огромным творческим подъемом, воодушевлением и увлеченностью провел концерт А. Стаевич. Его темпераментная, ярко эмоциональная дирижерская манера захватила слушателей и в немалой степени способствовала большому успеху произведения. С тонким чувством стиля музыки исполнили свои партии Е. Вербицкая и Л. Яковлев. Сложные задачи стояли перед чтецом. Необходимо сохранять огромное драматическое напряжение, богатейшая гамма психологических переживаний героя, наконец, трудности перевоплощения — все это требовало большого внутреннего самообладания и воли, подлинной творческой свободы. Артист А. Эстрин в целом удачно провел роль чтеца. Заслуживает положительной оценки работа коллектива Академической капеллы имени Глинки под руководством А. Анисимова.